

УДК: 316.42

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: kstbrest@mail.ru

МЕГААНОМАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ БУДУЩЕГО

В статье подчеркивается, что общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации, потребляющей несравненно больше того, что она способна создать, предъявляет совершенно новые требования к социологии. Классики социологии О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. каждый по-своему обращались к идеалам будущего. Ключевым компонентом современной футурологии является технологическое прогнозирование. На рубеже веков вопрос будущего сквозь призму социологии по-прежнему актуален, в том числе и на постсоветском пространстве. Прогнозируя конечную цель и основные проблемы современной цивилизации, большинство социологов предсказывают, что в XXI в. может быть только одна цель – выжить.

На рубеже XX и XXI вв. в мире произошли существенные социально-экономические изменения. Мир стал беспрецедентно непредсказуемым и нестабильным. С одной стороны, налицо количественный рост мегааномалий. С другой – общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации, потребляющей несравненно больше того, чем она способна создать, предъявляет совершенно новые требования к социологии. Социология «из науки, объясняющей явления... должна превратиться в науку, создающую новую социальную реальность» [1, с. 389].

Классики социологии О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. каждый по-своему обращались к идеалам будущего.

Основы современной футурологии заложены в серии статей 1924–1928 гг. В.А. Базарова. Сущность проблемно-целевого подхода, предложенного В.А. Базаровым, заключается в изучении назревающих проблем, выявлении цели и на этой основе решении проблем. Позднее к подобным выводам пришли Дж. Бернал (1940-е гг.) применительно к НТР, Н. Винер применительно к кибернетике и искусственному интеллекту (1950-е гг.), Р. Юнгк и другие западные ученые. Одновременно в Рэнд Корпорейшн была начата разработка технологий прогнозирования на основе экстраполяции наблюдаемых тенденций с известными закономерностями с учетом прогнозных сценариев. В 1960–1970-е гг. А. Тоффлер, Д. Медоуз, А. Печчеи («Римский клуб»), Д. Найсбитт (идея «мегатрендов») продолжили формирование глобалистики и затем «альтернативистики» (осмысление альтернативных цивилизаций) [2, с. 21]. «Позднее началось становление и активное использование метода Форсайта как инструмента формирования приоритетов общественной деятельности и мобилизации множества участников для достижения качественно новых результатов в сфере науки, технологий, экономики, общества, государства» [3, с. 118–128].

Ключевым компонентом современной футурологии является технологическое прогнозирование. И.В. Бестужев-Лада отмечает: «Основные теоретические положения технологического прогнозирования вкратце сводятся к следующему.

1. Прошлое можно знать, но невозможно изменить; будущее невозможно знать, как прошлое (в виде тех или иных событий), зато можно изменить действиями на основании определенных решений, в том числе и с учетом возможных последствий таких решений.

2. Соответственно, будущее можно и должно познавать не обязательно простым предугадыванием событий, а в форме постановки проблем, целей, а также возможных решений и их последствий. Иными словами, можно ориентировать исследования будущего не просто на предсказания, а на повышение объективности и, следовательно, эффективности принимаемых решений. При этом предсказания являются как бы побочным, само собой разумеющимся продуктом, который представляет интерес и сам по себе.

3. Такого рода исследования сводятся к изучению источников (документов) и литературы, опросам населения и особенно экспертов, обобщению опыта экспериментов. Результаты обычно представляются в виде трендовых моделей – экстраполяции в будущее наблюдаемых тенденций, а также разного рода аналитических моделей (сценариев, матриц и т.д.). На этих положениях 1960–1990-х гг. выросла целая гора литературы, именуемая современной футурологией» [2, с. 28].

На рубеже веков вопрос будущего сквозь призму социологии по-прежнему актуален, в том числе и на постсоветском пространстве. Бестужев-Лада, прогнозируя конечную цель и ключевые проблемы современной цивилизации, пишет, что в XXI в. цель может быть только одна – выжить. Проблемы со временем меняются, и их выявление является сложным процессом. В первой половине XX в. глобальной ключевой проблемой была победа в надвигающейся и разражающейся мировой войне [4, с. 2]. При этом в Первой мировой войне участвовало 33 государства с населением более 1 млрд человек (погибло 25 млн), во Второй мировой войне участвовало 62 государства с населением 1,7 млрд человек (погибло около 60 млн). Во второй половине XX в. проблемой № 1 стала победа в «холодной войне» (противостояние двух сверхдержав – СССР и США), включавшей множество вполне «горячих» малых войн с числом жертв, сопоставимым с потерями в Первой мировой войне. Была поставлена цель путем окружения и последующего расчленения поверженного противника не дать ему подняться на ноги и восстановить свой военный потенциал.

Мегааномалией современной цивилизации со второй половины XX в. стала угроза термоядерной войны. Первыми создали атомное оружие США (1945) и бомбардировали японские города Хиросима и Нагасаки. Монополию американцев нарушил СССР (1949), а в 1950–60 гг. атомные бомбы были созданы в Великобритании, Франции и Китае. С другой стороны, в 1960–1980 гг. на основе взаимной ядерной угрозы был установлен военно-стратегический паритет между СССР и США. В XXI в. испытания атомных устройств провели Индия, Пакистан и КНДР. Израиль имеет атомную бомбу, но официально не признает этого факта. Еще 12 стран ведут разработку атомных устройств, а более 25 имеют теоретические возможности для их создания. И в этом случае важным является сохранение режима контроля, так как его наличие однозначно лучше, чем его отсутствие, которое вскоре может наступить, если грозящему ядерному хаосу не будет противопоставлена политическая воля руководства России и США.

Продолжающиеся практически на всех континентах малые и большие конфликты требуют новых закупок оружия. Динамика мирового рынка вооружений такова, что своего пика торговля оружием достигла в середине 1980-х гг., а ее объем превысил 40 млрд долл. После 1987 г. мировые поставки вооружений начали быстро сокращаться и к середине 1990-х гг. достигли уровня, значение которого составляло примерно половину самого высокого показателя времен «холодной войны». Это было конкретным проявлением снижения напряженности биполярной конфронтации. С конца 1990-х гг. наблюдается рост объема торговли вооружениями, и важнейшую роль в этом играют развивающиеся страны. С 2005 по 2009 г. объемы поставок обычных вооружений по сравнению с предыдущим четырехлетием выросли на 22 %. «В 2015 г. эксперты Стокгольмского института исследований проблем мира и конфликтов (СИПРИ) определили лидеров продаж оружия: это США – 47,2 млрд, Россия – 33,2 млрд, за ними сле-

дуют Великобритания, Франция, Китай, Израиль» [5, с. 121]. Таким образом, торговля оружием в последние годы имеет тенденции к увеличению объемов, что создает потенциальную угрозу возникновения войн и конфликтов.

Планетарной мегааномалией стал международный терроризм – специфическая форма терроризма, зародившаяся в конце 1960-х гг. и получившая значительное развитие в конце XX – начале XXI в. Основные цели международного терроризма – это дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение устоев общественного устройства. Все это, по замыслу террористов, должно побудить правительства к изменению политики. Современный международный терроризм является, как правило, исламистским. Радикальный исламский фундаментализм невозможно понять, если не знать, что «за исламскими моджахедами стоит почти миллиардная армия безработных в странах Азии, Африки, Латинской Америки (каждый третий из трудоспособных)» [6, с. 4]. «Если в 1980 г. в мире было совершено более 500 актов, связанных с международным терроризмом, то в 2006 г. их число составило 14 438 случаев. В 2013 г. жертвами терроризма стали 19 тыс. человек. Число погибших в террористических актах в мире за 2015 г. выросло на 80 % – до 32 658 человек... Более половины (51 %) погибших в 2015 г. – это жертвы нападений, совершенных экстремистской организацией “Исламское государство”. Экономические потери от терактов эксперты оценивают в \$52,9 млрд; 78 % от общего числа смертей пришлось на Афганистан, Ирак, Нигерию, Пакистан и Сирию. Так, в результате терактов в Ираке погибли почти 10 000 человек, а в Нигерии – более 7 500 человек» [6, с. 221].

Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма и радикализма разнообразен, многолик, имеет различную природу, разные источники, цели, разные уровни и масштабы, направленность и характер исполнения. Терроризм всегда носит внеправовой характер, демонстративно не желает считаться с нарушаемым им правом: уголовным, гражданским, экономическим, национальным и международным, правом другого человека на жизнь и свободу.

Итак, войны и конфликты, преследующие планетарное сообщество в XX и начале XXI в., идут на разных уровнях. Торговля оружием, международный терроризм, угроза термоядерной войны – все эти мегааномалии человеческой цивилизации нависли дамокловым мечом над современным социумом и требуют политического решения.

Мегааномалии, связанные с ростом неравенства и сложными различиями социума, рассматривались на XVIII Всемирном конгрессе Международной социологической ассоциации (МСА) и XII конференции Европейской социологической ассоциации (ЕСА). Выступая на XVIII конгрессе МСА, ее Президент М. Буравой заявил, что мегааномалия неравенства изучается обществоведами в междисциплинарном плане. В полемику о проблемах неравенства включился избранный в 2013 г. папа Франциск, который резко осудил ее масштабы. Таким образом, глобальные мегааномалии неравенства находятся в центре внимания социологов, и решать задачи по изучению проблем неравенства необходимо путем поиска решений на стыке наук.

Экологические мегааномалии современной цивилизации – это, с одной стороны, природные катастрофы, а с другой стороны – гибель экологических систем под воздействием человека. «Любое загрязнение окружающей природной среды: и воздушное, и водное, и почвенное, и радиационное, и тепловое, и шумовое, и химикатное (химические удобрения и прочие реагенты, оказывающиеся в конечном счете в желудках у граждан), и “мусорное” (растущие горы “твердых отходов”) – не может продолжаться без конца, так как стремительно расширяет “зоны экологического бедствия” и приближает тем самым рукотворный “конец света”» [4, с. 15]. Ясно также, что не могут семь миллиардов землян жить как две-три сотни миллионов обывателей США и Европы, которые захватили чуть ли не половину мировой энергетики и загрязняют чуть ли не по-

ловину мировой окружающей среды. «Видимо, понадобится еще несколько “чернобылей”, один кошмарнее другого, прежде чем люди поймут, что ужиться с природой важнее, чем все транспортные и бытовые удобства» [4, с. 15]. Следовательно, решение глобальных экологических проблем – это один из важнейших параметров планетарного социогуманитарного развития аномии в современном сообществе, проявляющейся в форме мегааномалий.

На рубеже XX–XXI вв. в мире произошли существенные социально-экономические и общественно-политические сдвиги. Проходившая под знаком господства институтов и ценностей неolibеральной глобализации и «рыночного фундаментализма» эпоха 1990–2000-х гг. заканчивается. Мир стал беспрецедентно нестабилен и непредсказуем. Появление новых и интенсивность старых угроз поражают воображение. Человечество в страхе перед новой пандемией насилия уже в условиях нарастания внутриевропейских, а не только т.н. «межцивилизационных» конфликтов. «На мировую арену вышли новые претенденты на лидерство. Превращение Китая и других стран БРИКС в самостоятельных субъектов с масштабами экономики, сравнимыми с привычными глобальными игроками, превращение исламских политико-экономических и идеологических институтов в значимый фактор мирового бытия, первые шаги России на мировой арене, показавшие ее намерение проводить независимый курс в международных делах – все это свидетельства изменяющегося мира» [10, с. 3].

Интерес к будущему вытекает из логики социологического анализа современного мира: конструирование его мироустройства, критика с этой позиции существующих ныне глобальных проблем, выявление их возможных последствий, понимание исторической перспективы и др. Основные идеологемы современного мира меняют свой классический облик на неоконструкты. Противостояние неolibералов и неоконсерваторов проходит в рамках глубоких противоречий глобального капитала. Нынешняя экономика не идеальная модель социально регулируемого и организованного рынка. «Новая повестка дня, альтернативная той, что завела всех в тупик финансиализации и деиндустриализации, деградации “государства всеобщего благосостояния” и обострения проблем неравенства, так и не сформирована» [6, с. 3–4]. При этом следует учесть, что «власть предрержащие, пользуясь этим противостоянием, осуществляют “негативную конвергенцию” консерватизма и либерализма, беря все худшее и от тех, и от других. От либералов они берут не гуманистические ценности, а ориентацию на принципы “рыночного фундаментализма”, скрывающие реальную гегемонию олигархов и бюрократии. От консерваторов они берут не ориентацию на социальную справедливость, а ограничение гражданских прав и свобод» [6, с. 5]. Необходима новая повестка дня – курс, который «центристы, возможно, сочтут чрезмерно левым, а радикально левые – излишне реформистским. Но правые и центр должны понять: миру нужна новая, ориентированная на социальные, гуманитарные, экологические ценности – повестка дня. «Выход из тупика “рыночного фундаментализма” требует большей социализации экономики и расширения политических прав “рядовых” граждан» [6, с. 6].

«В наши дни, несмотря на неolibеральную глобализацию, страны Северной Европы продолжают удерживать высокую долю государственных расходов в ВВП. В 2009 г. доля государственных расходов составила в Швеции 52,5 %, в Дании – 51 %, в Норвегии – 40,9 %, в Финляндии – 47,3 % от ВВП» [7, с. 124]. Основную часть этих расходов составляют расходы на социальные цели.

В США и в Европе как либералы, так и консерваторы, поочередно приходящие к власти, по всей видимости, очень долго радовались по поводу распада социалистического мира во главе с СССР. «С распадом СССР закончился уникальный социальный эксперимент. Считается, что созданное коммунистическое общество потерпело крах. Однако в наступивший период анализа и выводов еще нет однозначного ответа на воп-

рос, был ли этот путь тупиковым» [9, с. 318]. При этом отметим, что китайский путь к социализму (при наличии всех форм собственности и приоритете государственно-общественной) вывел эту страну на лидирующие позиции в мировой экономике. Эта азиатская сверхдержава на основе позитивной конвергенции построила социализм с китайской спецификой. Ф. Захария в своей книге «Постамериканский мир», делая футурологический прогноз, пишет, что будущее глобального мира видится ему не монопольным, а многообразным, и на ведущие роли выйдет Китай [11].

Глубокий социэкономический анализ, сделанный Ф. Пиккети в книге «Капитал XXI века», произвел сенсацию в научном мире. Резонанс книги Пикетти о капитале XXI в. придавал дебатам о неравенствах в современном мире предметный характер и новые грани актуальности. В ее названии параллель с «Капиталом» Маркса очевидна (в откликах часто говорили просто «Капитал», не упоминая «XXI в.»). Интерес к поднятому в ней вопросу был неподдельным. Пиккети утверждает: миллиардеры и контролируемые ими транснациональные корпорации представляют собой основной вызов в преодолении огромных неравенств [12, с. 28]. Слова «социализм» в его книге нет, но, как подметил один из комментаторов, «Капитал» Маркса «на втором плане присутствует везде» [10, с. 15–17].

Таким образом, если после краха СССР к марксизму обращались нечасто, то последнее десятилетие учение Маркса оказалось востребованным исследователями разных идеологических направлений. Анализ социологии марксизма, проведенный А. Буравым и М. Райтом, показал, что продолжают поиски альтернативных моделей мироустройства, основой которых является марксизм, причем, с одной стороны, это беспощадное критиканство, а с другой – творческое развитие. Авторы, анализируя господство как власть в форме господства, пришли к выводу, что и оно «может пониматься как часть классовых отношений. Классовые отношения, таким образом, означают не просто то, что некие лица присваивают плоды труда других, но и то, что значимая часть их жизни контролируется другими, направляется извне без их контроля. В терминах традиционного марксизма эта ситуация именуется отчуждением» [10, с. 28].

Микроаномия (отчуждение) остается актуальной для глобального капиталистического общества, как была актуальна и для предшествующих стадий его развития. «Идея отчуждения часто используется для описания ситуации, когда жизнь человека контролируется безликими силами – рынком, например, а не просто усилиями других. В этом более широком смысле можно сказать, что капиталисты, не только рабочие, хотя и не эксплуатируются, отчуждены при капитализме. Их жизни, как и рабочих, могут контролироваться чуждыми силами – рынком, конкуренцией, инфляцией и т.п. Идея отчуждения также не только связана с классовыми отношениями. Жизнь человека могут управлять внешние силы – вне его контроля – не просто потому, что он занимает данное положение в системе производственных отношений, но и из-за его связи с государством, из-за гендера и т.д.» [10, с. 28]. Отчуждение стало многофункциональным и охватывает все слои общества. Сегодня очень актуален вопрос, как уйти от брутальности рыночного фундаментализма, не возвращаясь к бюрократическому централизму и не повторяя ошибок социал-демократов середины XX в.

«Новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии приходилось принимать и потом долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мир немыслим без сделанных когда-то смелых шагов, за которые заплачена немалая цена. Сейчас вновь настало время ставить задачи столь же масштабных изменений, как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днем 100 лет назад» [10, с. 6]. Традиционно социал-демократы говорят: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство – поддерживать то мень-

шинство, которое не может зарабатывать, и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию. Следовательно, он будет порождать бедность. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. «Парадокс при этом состоит в том, что новую модель почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже известных черт существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип “создает богатство рынок, а социальность может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы”, остается неизменным. Пора искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя от старой дилеммы “больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости”, формируя экономику, в которой справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие» [13, с. 6].

В 1970-е гг. социал-демократия оказалась «в кольце» вызовов, «на которые она не смогла дать достойный ответ; почти повсеместно она уступила пальму первенства неолиберальной политике. Тем важнее демократическим левым извлечь уроки из проблем прошлого и пойти по обновленному пути, не повторяя ошибок середины прошлого века и не переходя на позиции правого центра, сохраняя лишь видимость “левого дискурса”. Более того, в погоне за идеалом индивидуализма при все большем забвении ценностей коллективизма и солидарности, многие экс-левые Запада стали уступать пространство борьбы за социальную справедливость правым консерваторам» [13, с. 5].

Социологический анализ показывает, что идеологемы современного глобального мира отражают изменения, происходящие в социуме. Можно наблюдать переплетение и заимствование идей в теории и практике различных идейных течений.

Таким образом, анализируя основные тенденции современного мира, следует отметить, что глобальное развитие все больше становится тормозом общественного прогресса во всех областях общественной жизни для большинства жителей планеты, и в повестку дня ставится тема сотрудничества и доверия как гарантов неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, А. Н. Социология власти: теория и практика глобализации / А. Н. Данилов. – Минск : Университетское, 2001. – 447 с.
2. Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики / И. В. Бестужев-Лада [и др.]. – М. : Эксмо, 2003. – С. 201.
3. Шелюбская, Н. В. Предвидение («Форсайт») как новый механизм определения приоритетов государственной научно-технической политики / Н. В. Шелюбская // Промышленное развитие России: ключевые проблемы и решения : материалы науч.-практ. конф. – М., 2004. – С. 118–128.
4. Бестужев-Лада, И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век / И. В. Бестужев-Лада // Социс. – 2007. – № 7. – С. 2–21.
5. Ежегодник СИПРИ – 2015: Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М. : Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2015. – 966 с.

6. Бузгалин, А. В. Глобальный мир в тупике. Где выход? / А. В. Бузгалин, Р. С. Гринберг, А. И. Колганов // Социс. – 2015. – № 11. – С. 3–19.
7. Буравой, М. Социология и неравенство / М. Буравой // Социс. – 2015. – № 7. – С. 5–14.
8. Борулава, А. Г. Скандинавская модель экономического роста: уроки для России / А. Г. Борулава, Р. М. Нижегородцев // Альтернативы. – 2011. – № 4. – С. 124–131.
9. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
10. Романовский, Н. В. Будущее как проблема современной социологии / Н. В. Романовский // Социс. – 2015. – № 11. – С. 13–22.
11. Захария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Захария. – М. : Европа, 2009. – 280 с.
12. Piketty, T. *Capital in the Twenty-First Century* / T. Piketty. – Cambridge : Harvard University Press, 2014. – 607 p.
13. Буравой, М. Социологический марксизм / М. Буравой, Э. О. Райт // Социс. – 2011. – № 9. – С. 18–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.02.2018

Kavetski S.T. Megaanomalial of the Global World through the Prism of Sociology of Future

The article emphasizes that the global dysfunction of humanity, caused first of all by the crisis of Western civilization, that consumes overwhelmingly greater than it can create, sets brand new challenges the sociology will have to face. Each of the classics of sociology, A. Komte, K. Marks, M. Weber, E. Durkheim, T. Parsons, P. Sorokin, etc., treated the ideals of the future in his own way. The key component of the current futurology is represented by technological forecasting. At the turn of the centuries, the issue of future from the sociological perspective is still no less relevant, including in post-Soviet countries. Forecasting the final goal and key challenges of contemporary civilization, most sociologists predict that what it can only do in XXI century is survive. The key challenges are changing, and it will take a lot of effort to spot them.